

18+

Борис Куркин
Татьяна Масс

Матрица Пушкина

Эссе

Борис Куркин

Матрица Пушкина. Эссе

«Издательские решения»

Куркин Б.

Матрица Пушкина. Эссе / Б. Куркин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932787-1

Критика встретила поэму «Анджело» отрицательно, видя в ней признаки падения таланта Пушкина. По этому поводу Пушкин говорил Нащокину: «Наши критики не обратили внимания на эту пиесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал». 1833 Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-932787-1

© Куркин Б.
© Издательские решения

Содержание

Табуированный Пушкин	6
«Лая materna»	6
Грубиян Маржерет	8
«Менты» Бориса Годунова	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Матрица Пушкина Эссе

**Борис Куркин
Татьяна Масс**

Редактор Александр Рубин

© Борис Куркин, 2018

© Татьяна Масс, 2018

ISBN 978-5-4493-2787-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Табуированный Пушкин

«Лая матерна»

Пушкин в переписке частенько употреблял нецензурную лексику. В рукописи «Бориса Годунова» он употребил ее, правда, всего единожды, в сцене о корчме на литовской границе. Это Варлаам дает волю своему языку в тот момент, когда стража принимает его за Гришку Отрепьева и порывается заломить ему руки.

Внимательно ознакомившись со сценой в корчме, чистая и богобоязненная немецкая душа А. Х. Бенкендорф пометил: «... вообще следовало бы смягчить, ибо «монахи слишком представлены в развратном виде. Пословица: вольному воля, *спасённому* рай, переделана: вольному воля, а *пьяному* рай. Хотя эти монахи и бежали из монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина; но кажется, самый разврат и попойка должны быть облагорожены в поэзии, особенно в отношении к званию монахов». (*Сочинения А. С. Пушкина / Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. Томъ VIII: Примѣчания, добавления и поправки. СПб., 1905. Стр. 408*).

Блюститель общественных нравов Александр Христофорович Бенкендорф даже не ведал о том, что в сцене в корчме в своей белой рукописи Пушкин заменил покоробившее Александра Христофоровича выражение «сукины дети» на вовсе несусветное «б..дины дети».

Пушкин, любивший крепкое, соленое словцо, не был, тем не менее, сторонником употребления ненормативной лексики ради нее самой. «Есть шутки грубые, сцены простонародные, – писал он в одном из набросков предисловия к своей трагедии. – Хорошо, если поэт может их избежать, – поэту не должно быть площадным из доброй воли, – если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным».

Так в чем же дело? Отчего Пушкин решил нарушить установленные правила приличия?

Выражение «б..дины дети» несут, на наш взгляд, тонкую смысловую нагрузку, понятную всем в веке XVII-м, мало понятную уже в пушкинские времена и понятную далеко не всем профессионалам века нынешнего. Но здесь мы вынуждены пойти наперекор современным правилам приличия и разъяснить кое-какие деликатные моменты относительно выражения, рассматриваемого ныне в качестве совершенно нецензурного.

Как отмечают современные исследователи, в частности, А. Л. Юрганов, значение слова «б..дь» в языке русского средневековья являет собой сложную контаминацию, структурными компонентами которой будут «ложь», «ересь», «распутная женщина».

Это слово означает в переводе с церковно-славянского *ошибку, заблуждение, ересь*. Чаще всего, оно употреблялось и употребляется ныне в канонах святым, посрамлявших еретиков, в Акафисте Пресвятой Богородице. Оно звучит в древних летописях и старопечатных книгах. Статус же «крепкого» это слово обрело благодаря горячей любви к нему В. К. Тредиаковского и невзлюбившей это же самое слово Императрице Анне Иоанновне.

На вечерних богослужениях можно услышать из богослужебного текста, который читает чтец выражения – Иерихонские Б..ди или Б..довый язык. Понятно, что слово «б..дь» означает неверность, лживость. «Б..довый язык» – это **лживый** язык. Как говорят источники, в библейские времена, жители города Иерихон славились своей лживостью.

Одним словом, в богословских трудах русских средневековых авторов, отражавших традиционные установки всего конфессионального сообщества, слово «б..дь» было синонимом слова «ложь». Но ложь в то время... была тесным образом связана с дьявольским миром и противостояла Правде Истинной, – самому Христу. Протопоп Аввакум писал: «Б..дь пишется ложь, правда от Бога, а ложь от дьявола». Таким образом, слово «б..дь» – антоним «правды».

Если «правда» – это правильный путь для спасения на Страшном Суде, то «б..дь» – уклонение от совершения христианином угодной Богу, а не дьяволу, правильной воли, что вполне соотносится с этимологическим значением слова. (*Юрганов А. Л. Из истории табуированной лексики. Что такое «блядь» и кто такой «блядин сын» в культуре Русского Средневековья // В книге: Одиссей. Человек в истории. М., 2000, с. 197*).

И ни у кого не возникало сомнений в благочестивости того, кто эти слова произносил или употреблял их в письменной форме. А к середине XVII в. резко возрастает число упоминаний словосочетания «б..дин сын», которые стали использоваться в качестве своеобразного оружия против тех, кто не принял нововведений Никона.

Итак, Правде истинной противостоит «б..дь» (ложь), иначе говоря – Христу противостоит Дьявол, носитель тьмы, породитель «б..ди».

Возвращаясь после такого затянувшегося экскурса к сцене в корчме, отметим, что пушкинское «б..дины дети», вложенное в уста Варлаама, в очередной раз подчеркивает **дьявольский, бесовский характер всего творящегося вокруг Гришки Отрепьева, являющегося в то же время и возмутителем лжи и ереси. Он тоже «б..дин сын».** И притом в первую очередь.

И еще один тонкий момент: стражники служат «святоубийце» Годунову – **лже-царю**, царю, отстроившему свою власть на лжи, то есть, на... Ну вы понимаете. Таким образом, стражники предстают персонификациями **лже-власти**, и пушкинское «б..дины дети» становится как нельзя более уместным и адекватным ситуации.

Выражение же «сукины дети» явно снижает градус и низводит фразу с ее мистико-политического уровня до уровня бытового, тривиального ругательства по адресу занимающихся поборами («рэкетом») годуновских правоохранителей.

А что кричат старушки детям, отнявшим у Юродивого копеечку: «Отвяжитесь, бесенята!» Вокруг Николки тоже вьются «беси». Они – повсюду, ибо страна охвачена безумием (Помните? «Бориса (Ельцина) на царство!», «Ельцин наш президент!»). Оттого и понятны сетования Пушкина на то, что в его «Борисе» «выпущены народные сцены да матерщина французская и отечественная».

А вот увенчанная лаврами советский филолог Л. М. Лотман пишет: *«Отстаньте, сукины дети!»* – Первоначально, в беловом автографе писарской копии с правками было: «Отстаньте, б..дины дети!» Пушкин понимал, что такие выражения вызовут возражения как нарушающая приличие грубость, но **ему было очень важно включение грубого, колоритного просторечья в текст**. В издании «Бориса Годунова» в 1831 г. он заменил это выражение на «отстаньте, пострелы!» Между тем источником грубого выражения является свидетельство Карамзина, помещенное в примечаниях к III тому, главе I (примечание 5). Здесь историк говорит о том, в каких выражениях летописцы «осуждали своеволие новгородцев». В некоторых рукописях еще сильнее «обычай б..диных детей». (*Лотман Л. М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. – С. 302*).

Да совсем не в колоритности «просторечья» тут дело. «Лая матерна» как таковая была Пушкину неинтересна и «сукиных детей» для пущей экспрессии ему вполне хватило бы. А ему хотелось, чтобы в его «Борисе Годунове» буквально в каждой детали звучала «прикровенная» религиозно-мистическая тема.

Грубиян Маржерет

Сразу же по окончании «Бориса», незнакомый с трагедией, Жуковский запросил у Пушкина через Плетнева текст трагедии в качестве материала для чтения лекций великой княгине Елене Павловне. В ответ на это Пушкин отписал Плетневу в начале марта 1826 года: «Какого вам Бориса, и на какие лекции? В моем Борисе бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу». «На всех языках» – это всего лишь на двух: русском и французском. В немецком исполнении «лая матерна» в пьесе отсутствует.

А еще ранее в письме к П. А. Вяземскому от ноября 1825 г. Пушкин написал, что все персонажи в его «Борисе» «очень милы; кроме капитана Маржерета, который все по-матерну бранится; цензура его не пропустит. Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию – навряд, мой милый».

По поводу некоторых языковых вольностей в трагедии некий внутренний рецензент III Отделения Е. И. В. С. канцелярии записал: «Некоторые места должно непременно исключить. Говоря сие должно заметить, что человек с малейшим вкусом и тактом не осмелился бы никогда представить публике выражения, которые нельзя произнести ни в одном благопристойном трактате! например слова Маржерета».

Что касается грубияна Маржерета, то его бранную речь цензура правила вплоть до 1887 года, покуда известный пушкинист П. О. Морозов не опубликовал ее без купюр, да и то не всю.

Несдержанный Маржерет употребил несколько выражений, которые наверняка смущали бы ухо прекрасных дам и даже кавалеров, воспитанных на традициях приличного общества. Извинительным для него обстоятельством было то, что во время атаки войск Самозванца ему было некогда выбирать слова. Отметим и то, что к своему коллеге Розену пушкинский Маржерет обращался по-французски, а Розен отвечал горячему французу по-немецки, что не мешало им прекрасно понимать друг друга.

Итак, первым крепким выражением стало «... ça n'a que des jambes pour **foutre le camp**» (если переводить стерильно, то «ноги, чтобы сматываться»), которое стеснительная цензура поменяла на благопристойное «...ça n'a que des jambes pour **fuir**» («... чтобы сбежать»).

Вторым крепким выражением стало «**un bougre qui a du poil au cul**» («тип с волосами на заднице», «шерстью на ж..пе»), замененное на невинное «**un brave à trois poils**» – «храбрец», «бравый молодец».

Впервые в своем первоизданном виде первая пушкинская вольность увидела свет в 1887 году в издании **В. В. Комарова** и под редакцией **П. А. Ефремова**, а полностью увидела свет в академическом издании 1916 года. Правду сказать, это могло быть осуществлено и в суворинском издании 1905 года, но публикатор счел за благо сослаться на самого Пушкина, собственноручно, пусть и под давлением цензуры, сделавшего перемену из «**un bougre qui a du poil au cul**» в «**un brave à trois poils**», что означает во втором случае совершенно нейтральное «**бравый молодец**», «**смельчак**», «**задира**».

Что же до исконного пушкинского «**un bougre qui a du poil au cul**» (это выражение в рукописи было отчеркнуто сбоку красным карандашом и отмечено знаком NB), переведенного в советские времена, как «отчаянный головорез», что тоже является более, чем нормативным выражением, то аналогом ему на нынешний день могло бы стать «**крутой брателло**», «**быкует волчара**», «**стремный браток**», а может даже и «**взглянет – лес вянет**» или нечто и вовсе ненормативное, совершенно недопустимое в присутствии дам в пушкинскую пору.

И еще всплыло удаленное цензурой неблагочестивое «**Tudieu**».

В советских изданиях приведен «первобытный» пушкинский вариант. Публикаторы очевидно здраво полагали, что современный им советский читатель едва ли вникнет в тонкости маржеретовой лексики по причине дурного знания французского аргю.

В советском переводе Маржерет будет звучать так: «Этот дьявол – Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез».

«... у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать».

«Черт».

Как видим, перевод вполне благопристойный, если можно благопристойно перевести упоминание врага рода человеческого. Не то, что оригинал.

Тут надобно сделать пояснение: «мата» в нашем привычном понимании во французском языке нет, но сальностей, скабрёзностей и грязных выражений – в избытке. Как, впрочем, и в любом другом языке.

В наши дни, понятное дело светских дам таким жаргоном не удивишь, а вот дамы пушкинской поры на людях могли почувствовать себя оскорбленными, а то и упасть в обморок.

Что до «удирать», то пушкинско-французское «**foutre le camp**» означает нечто куда более грубое, сравнимое по значению и экспрессии с нашим русским «у. бывать». И гораздо более грубым, нежели «черт», является отдающее богохульством «**Tudieu**».

Разумеется, все эти тонкости были понятны просвещенной русской публике, для которой французский язык был **родным**, и малопонятны тем, для кого жаргон новогаллов является **иностранным** и вдобавок «**со словарем**».

А сцена получилась очень кинематографичная: напряжение боя достигает предела: желающих воевать с «русским царевичем» немного, царские войска бегут, русские ратники оскорбляют («проклятый басурман») и передразнивают («лягушка заморская») иностранных военспецов-командиров и не обращают на них внимания. Басманов делает удачную вылазку, но его опрокидывают. Ситуация становится критической. Все это время экспрессивный Маржерет и хладнокровный Розен обмениваются репликами, оценивая по ходу складывающуюся ситуацию. Маржерет говорит по-французски, Розен – по-немецки. Они прекрасно понимают друг друга. В такой обстановке трудно требовать от боевых командиров, чтобы они выражались, словно в светском салоне да еще в обществе дам. Великолепен Розен. Он внутренне сосредоточен, немногословен и решителен. Одно слово – немец!

В отличие от сдержанного Розена, Маржерет дает волю своему языку. Однако все «красоты» его речи в разгар боя Пушкину пришлось убрать. Нетрудно понять досаду автора: живость характера героя явно тускнеет.

«Менты» Бориса Годунова

«Чем более все меняется, тем более все остается по-прежнему», – как говорит французская поговорка. И в нашей жизни мало, что меняется: что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться.

Перечитывая «Бориса Годунова» в этом лишний раз убеждаешься.

Возьмем для примера сцену в корчме.

Отрепьев спрашивает Хозяйку заведения, как пробраться до литовской границы. Повсюду царские заставы да сторожевые приставы: велено всех задерживать и осматривать. Только, по словам Хозяйки, здесь и добрым людям прохода нет. А поймать, все равно никого не поймают: будто нет в Литву и другого пути, как столбовая дорога! «Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор».

Нет, не стоит упрекать цареву службу в глупости: всему виной «некомплект личного состава». Да и все дороги и тропы не перекроешь – тогда некому будет и вовсе работать. Одним словом, держать «границу на замке» – дело затратное во всех отношениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.